

Повесть о настоящем генерале

Жанр произведения: О войне

Произведение написал автор BookBox Владимир Турищев

Ссылка на публикацию

“Люди называют эти места охотничьими угодьями, однако, не всем известно, кто здесь на самом деле охотник, а кто добыча ”

Кристина Дэвер.

Часть 1.

Глава 1. Война, братство и отцовский наказ.

В марте 2004 года, когда страна выбирала президента, мой взгляд из шести кандидатов выделил Ирину Хакамаду. Почему же именно она? Вся моя сознательная жизнь прошла под знаком воинского долга. Военный врач, я кочевал по раскаленным точкам нашей Родины, вырывая жизни из когтистых лап смерти. Мой долг и обязанности военного врача, словно неумолимый магнит, вновь и вновь бросал меня в жерло войны, оставляя семью в ожидании краткосрочных отпусков. Едва успевали мы пустить корни в новом гарнизоне, как очередной приказ срывал меня с места, унося в вихре военных событий.

В Ирине Хакамаде я увидел отблеск Ингигерды, дочери шведского короля Олафа Шётконунг — супруги Ярослава Мудрого. Она была не просто женой князя, а его соратницей, равной ему в интеллекте и образованности. Приняв православное имя Ирина, она погрузилась в изучение Священного Писания, истории и литературы, постигла искусство государственного управления и даже владела оружием. Шестеро сыновей и три дочери, рожденные в этом браке, получили достойное воспитание и образование, став гордостью своего рода. Святитель Илларион, восхищаясь их семьей, писал: "Посмотри на невестку свою Ирину, посмотри на внуков своих, как они живут, как Бог хранит их, как они веру хранят, тобою данную, как славят имя Христово!". В дополнение сказанного, я думаю Бог дал ей талант и знания, которыми она умело воспользовалась для благополучия семьи и народа.

Для Ярослава, Ирина была не просто жена, а верный помощник в государственных делах, она вела переговоры с воинственными соседями, обладая прекрасным дипломатическим талантом. Их дети, заключая династические браки, связали Русь с королевскими домами Европы: Изяслав женился на сестре польского короля Казимира, Игорь – на дочери саксонского маркграфа, Вячеслав – на дочери графа Штадского. Дочери Ярослава стали королевами: Анна – французской, другие – норвежской и венгерской. Нестор Летописец свидетельствует, что во времена Ярослава христианская вера "укоренилась и распространилась, и монахи стали умножаться, а монастыри появлялись". Воистину, Ингигерда-Ирина была движущей силой мира, добра и справедливости, ее мудрость и знания несли свет не только Руси, но и Швеции, Норвегии, всей Европе. Но Хакамада получила всего лишь 4% голосов, и страна, словно сбившись с верного пути, погрузилась в череду конфликтов и бесконечных санкций, экономическое воздействие которых, возможно, и

незначительно, но морально-психологическое давление ощущается до сих пор.

В 2003 году, я вышел в отставку и вернулся в Краснодар. Здесь, на берегах Кубани, с 1856 года пустил корни мой род, когда прапрадед, получив землю из рук самого царя Александра II. С тех пор воды времени неумолимо текли, меняя ландшафт не только физический, но и духовный. Эпоха перемен, ознаменованная политическими бурями и всепроникающим светом интернета, заставила меня переосмыслить многое. Вглядываясь в глубь веков, видишь, что история Православной Руси – это нескончаемая летопись битв: битв за веру, за землю, за власть, за само право на существование. От огненного крещения мечом до ледяного дыхания современных геополитических конфликтов, Русь неизменно стояла на передовой, с оружием в руках отстаивая своё место под солнцем. И что поразительно, лик врага почти не изменился с древнейших времен, до наших дней. Точно такие враги, что и у Иисуса Христа – воплощение зла, ненависти, лжи и обмана. Змеиный образ Сатаны, вечно противостоящего божественной воле, сквозит во всех их деяниях. Те, кто сегодня заполонил западные земли, – всё те же слуги тьмы и несправедливости.

Вспомним, как пожар и голод Москвы осветил путь Наполеону, а Александр I, вошедший в Париж победителем, накормил голодных парижан навел порядок в городе. Вспомним, как Гитлер обрекал на муки голода ленинградцев, а русские солдаты, освободив Берлин, под руководством маршала Хрулёва развернули полевые кухни, угощая три миллиона голодных берлинцев солдатской гречневой кашей, позволили им выжать, и позже организовать новую травлю России.

Директор ЦРУ США Аллен Даллес ещё в 1945 году пророчески писал: «В XXI веке человечество столкнётся с кризисом из-за нехватки ресурсов. Преодолеть его можно, только уничтожив СССР». Поражает преступный склад ума государственного деятеля: если чего-то не хватает, нужно просто отнять это у другого. И чтобы оправдать своё злодеяние, попрать закон и мораль, необходимо возненавидеть свою жертву, как они продолжают ненавидит Россию сейчас. И это единый социальный механизм распространения сатанизма, когда воры-завоеватели не просто захватывают территории, они порабощают души, превращая людей в «демократических рабов». Их цель – экономическое рабство, оглупление и развращение, превращение человека в «недочеловека». Ибо умный раб или холуй (прихвостень, лизоблюд, приспешник, наймит) – это всегда угроза хозяину-рабовладельцу.

В эти годы мир балансировал на краю пропасти, над бездной ядерного апокалипсиса. Один неверный шаг, и пламя всеобщего уничтожения могло поглотить планету. Это заставило агрессоров призадуматься. Но алчные империи, будь то США или Европа, продолжают плести свои интриги, действуя

по принципам «разделяй и властвуй» и «загребать жар чужими руками», что и стало причиной кровопролитных войн последних лет. «Загребать жар чужими руками» – это искусство манипуляции, использование других в качестве орудия для достижения собственных целей. «Оружие – наше, а потери – ваши» – вот циничный девиз этой стратегии. Зачем рисковать собой, если можно решить проблему чужими руками, подставив под удар «помощников»?

«Разделяй и властвуй» – это стратегия раскола, стравливания народов, стран и культур. Раздробить противника на части, подтолкнуть к междоусобице, ослабить, играя на противоречиях, поддерживая то одну, то другую сторону. Подкуп чиновников, коррупция, разврат, хитроумные финансовые схемы – вот инструменты этого дьявольского плана. А для информационного прикрытия войн используются провокационные теракты, лживые мифы, телевизионные штампы и изощрённые манипуляции сознанием.

Россия же, в отличие от Запада, видит свою миссию в объединении народов, предлагая им пространство равноправия, справедливости и человеческого тепла. Справедливое распределение благ, защита жизни и здоровья каждого — вот столпы, на которых зиждется её мировоззрение.

Вначале перестройки в СССР страны НАТО, для достижения своих геополитических целей обратились к концепции «мягкой силы». Джозеф Най, политолог, впервые сформулировавший её во второй половине 1980-х, подразумевал способность добиваться желаемого не через грубое принуждение, а через добровольное принятие, симпатию и привлекательность. Это искусство влияния, где победа достигается не силой оружия, а силой убеждения, очарования и позитивного примера. Для жителей

СССР это была доступность жилья, обретения собственного очага в молодом возрасте. Не маловажное значение имели качественные товары, которые возможны при производстве на условиях рыночной экономики и честной конкуренции, радуя глаз и соблазняя кошелёк.

В это время Советский Союз томился в тисках «застоя». Очереди за жильём, дефицит продуктов, унылый ассортимент одежды… Пропаганда западного экономического благополучия пробила брешь в сознании, подготавливая почву для «перестройки» и хаотичного внедрения рыночных отношений. Нехватка компетентных специалистов распахнула двери для потока иностранных «экспертов», консультантов и коучей, среди которых, увы, затесались и враждебные агенты. Они превратили страну в арену «бойни 90х» – дикого времени, когда вооружённые банды безнаказанно грабили народное достояние, пользуясь всеобщей растерянностью и беззащитностью. А некогда «мягкая

сила» мутировала в циничную «умную силу», где для достижения цели любые средства хороши. Террор, убийства, подкуп, шантаж, запугивание, похищения… Культуру оскверняют потоками псевдоискусства, ведущих деятелей искусства оговаривают, травят и лишают средств к существованию, изгоняют из системы талантливых художников, режиссёров, писателей и поэтов, вплоть до физического уничтожения. Политическим ценностям наносят удар в спину, историю переписывают грязными руками, памятники разрушают, храмы оскверняют. Спортсменов ломают через колено допингового террора. Плодят террористов, обирают их до нитки и толкают на кровавые злодеяния, поджоги и диверсии. Распространяют семена сатанинского хаоса по всей русской земле.

Но самым страшным ударом стало сокращение Армии и Флота. Мой брат Анатолий, кадровый офицер ракетных войск стратегического назначения, попал под эту безжалостную мясорубку. В нашей семье было три брата и сестра Настя. Третий наш брат Иван погиб, в Афганистане, во время срочной службы в горах под Кандагаром в 1979 году. Он отдал свою жизнь за свободу и безопасность своей Родины, проявив истинный героизм и преданность своему солдатскому долгу. Я посетил его могилу в первую очередь, когда вернулся домой.

Брат Анатолий, после окончания военного училища ракетных войск, служил на легендарном полигоне Капустин Яр, где ковалось ракетное могущество страны. Гвардии капитан ракетных войск, посвятивший себя служению Родине, оказался в числе «лишних». Ему, конечно, предложили на выбор несколько гражданских должностей, и он выбрал работу егерем в рыбнадзоре. Пройдя переподготовку в Капустином Яре, он поселился в посёлке Тихий. Там он воздвиг крепкий дом из пеноблоков, облицованный дагестанским доломитом. Этот светлый дом стал его крепостью, семейным гнездом.

Жена Анатолия была из местной рыбацкой семьи. К моменту моего увольнения у них уже было пятеро сыновей, от двух до четырнадцати лет. Любая семья стремится к поддержанию связей с родственниками. Родственные отношения - это не просто кровное родство, а и общность мировоззрения, культурных традиций, единые жизненные ценности.

И наш отец Владимир Иванович в свои 96, оставаясь главой семьи, советовал мне навестить брата. Он говорил, что братство — это не просто кровные узы, но нечто большее: священная связь душ. Это союз, сотканный из доверия, подкрепленный опорой взаимопонимания, освященный уважением. В братских объятиях расцветает забота, подобная саду, где каждый лепесток – это желание разделить бремя и приумножить радость. Братство – это открытая книга души, где искренность и эмоциональная близость позволяют вместе пережить опасности и разочарования, достигнуть сокровенной мечты. Оно становится

компасом, направляющим личностное становление и определяет главные ценности и представления о мире. Подлинное братство произрастает из искреннего стремления понять другого, принять его таким, какой он есть, и идти с ним рука об руку по извилистой дороге жизни.

Вот я понимаю Анатолия, почему он выбрал жизнь в поселке Тихий. Наше детство прошло в живописной дельте Кубани, там, где тихие воды лимана Куркуй ласкали берега родного хутора. В детстве охота и рыбалка были для нас не просто увлечением, а самой сутью жизни, воздухом, которым мы дышали. Редко, когда мы возвращались домой с пустыми руками: то утку подстрелим, то зайчишку, но чаще всего – с серебристой добычей. Рыбалка была не только забавой, но и насущной необходимостью. Добротный улов кормил нашу семью не один день, и потому родители поощряли нашу страсть. Нашим верным спутником была старая берданка 24-го калибра. С потертым ложем и обугленным от времени стволом она хранила следы былых лет, но служила нам верой и правдой. Дедушка Иван, оставивший нам в наследство это ружье, рассказывал, что ещё его дед привёз её с русско-турецкой войны, когда берданки стояли на вооружении русской армии, и долгие годы служила надежным кормильцем семьи. Брат мой стрелял без промаха, словно чувствовал душу этого ружья. Этот прадедовский трофей, пропитанный пороховым дымом и отзвуками далёких сражений, продолжал верно служить и нам. Конечно, ни о каком разрешении на оружие и речи быть не могло, как и об охотничьем билете. Но в те голодные времена на это смотрели сквозь пальцы, позволяя людям добывать пропитание, кто как может. Порох, правда, нам не продавали. Но на самой окраине хутора, там, где располагалось наше футбольное поле, зияла рана, оставленная войной – воронка от бомбы, угодившей в грузовик с боеприпасами. Обнаружилось это случайно, когда председатель колхоза решил распахать поле под клевер. Плуг трактора зацепил ржавую раму полуторки и вывернул из земли проржавевший остов автомобиля с десятком снарядов. Приехавшие сапёры вывезли найденные боеприпасы, но в земле ещё таились залежи артиллерийского пороха и винтовочных патронов. Они-то и служили нам источником пороха и свинца. А футбольную площадку на этом месте оборудовал для нас Константин

Михайлович Мизин – герой Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Вернее, работали мы, а он руководил процессом, собирая конструкции воедино. Левой ноги у него не было – её оторвало снарядом время войны. Вместо ноги он носил костыль под мышкой и, несмотря на это, передвигался быстро, даже бегал иногда, используя костыль как ногу. До войны он сам играл в футбол и даже выступал за главную команду края. Поэтому он так заботился о нашем футбольном воспитании, утверждая, что за футболом – будущее. Константин

Михайлович учил нас не только футболу, но и жизни. Он рассказывал о войне, о товарищах, о том, как важно быть честным и справедливым. Его истории были полны героизма и трагедии, и мы слушали их, затаив дыхание. Он учил нас ценить мир и свободу, которые достались нашей стране такой дорогой ценой.

По вечерам, когда солнце садилось за лиман, мы сидели у костра и травили байки, рассказывали о своих приключениях на охоте и рыбалке. Эти вечера были для нас священными. Мы чувствовали себя частью чего-то большего, частью истории нашего хутора, нашей великой Родины.

Глава 2. В поселке Тихий: Семейные узы и волжские просторы.

В 2004 году я вырвался из городской суеты навстречу брату Анатолию, в самое сердце волжской дельты. В Астрахань я прилетел в середине октября, когда осень уже вовсю раскрашивала мир багрянцем и золотом. Еще в воздухе, над бескрайними просторами, я с жадным любопытством вглядывался в открывающиеся пейзажи. С высоты птичьего полета предо мной раскинулась выжженная солнцем степь, словно древний пергамент, испещренный редкими кустарниками и причудливыми деревьями. Голубые ленты ериков и широких речных рукавов, извиваясь, пронзали степь, подобно тончайшим нитям, вышитым на полотне земли. Из Астрахани я продолжил путь на автобусе, и это дало возможность ощутить красоту природы во всей полноте. Я знал из переписки с братом, что меня ждет калейдоскоп ландшафтов: леса, изумрудные оазисы, песчаные пустыни, дышащие зноем, непроходимые заросли тростника и дикие поля, усыпанные нежными лотосами. Редкий край по богатству и красоте природы. И это я заметил: по мере приближения автобуса к Каспию пейзаж преображался на глазах. Появилось несметное количество ериков и проток, порой образующих обширные водные пространства, сверкающие под осенним солнцем. Автобус, словно послушный зверь, бежал по берегу широкого речного рукава, по которому неспешно скользили небольшие суда. Берега были плотно окаймлены неприступными тростниковыми зарослями и пойменными ивняками, словно стражами, оберегающими водное царство. Все чаще встречались заболоченные луга, обширные тростниковые плантации, ставшие домом для множества водоплавающих птиц: стремительные стаи уток и гусей, величавые белоснежные лебеди. Нет-нет, да и мелькнет более редкая птица: пеликан, цапля, кваква, каравайка. Пеликаны, словно искусные архитекторы, из сухих стеблей возводят целые гнездовья – «пеликаньи плоты», где живут колониями, насчитывающими сотни птиц. Иногда можно было залюбоваться нежной бело-розовой грацией фламинго, особенно часто соседствующих с белыми лебедями, рек и озер становилось все больше, трава и деревья тянулись к небу, а низины

расстилались изумрудными коврами, густо поросшими высокими камышами, достигавшими двухметровой высоты. И внезапно, словно по мановению волшебной палочки, в небе появилась стая стерхов – этих редких, прекрасных журавлей. Это означало, что мы въехали на территорию Астраханского заповедника, внесенного в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

На этих берегах, овеянных ветрами времени, мой брат стоял на страже рыбных богатств. Издревле здесь селились здесь люди, взращенные щедростью реки и ее притоков. Рыбалка была не просто ремеслом, а самой сутью их бытия, нитью, связующей поколения. С измальства сыновья впитывали мудрость отцов, постигая тайны водной стихии. И сейчас в их сердцах живет неугасающая ностальгия, переплетаясь с легендами о несметных уловах и благоговейном отношении к природе. Старики помнят, как мерцали огоньки костров, озаряя лица, склоненные над плетением сетей и починкой лодок, в предвкушении нового рассвета. Река была не просто кормилицей, но и живым сердцем общины, где рождались знания, крепли узы родства.

Всего два-три десятилетия назад с берега открывался дивный вид: косяки рыб, словно серебристые облака, играли в глубине. Люди жили в согласии с рекой, чувствовали ее дыхание, умели отличать щедрые периоды от времен покоя. Но злая рука перемен коснулась этих мест. Изменение климата, индустриальный натиск, алчная жажда наживы – все это обернулось бедой для реки. Загрязнение вод, плотины, перегородившие путь, безудержный вылов – популяция рыб стала стремительно сокращаться. Древние методы рыбной ловли утратили свою силу, а молодежь все чаще покидает отчий край, манящая огнями городов. Рыбы стало меньше, но для коренных жителей, хранителей этих мест, были выделены квоты – жалкий компромисс между необходимостью спасти природу и дать им возможность прокормиться. Но даже эта мера не смогла вернуть былого изобилия. Многие рыбаки, словно вырванные из привычной среды, вынуждены искать новые пути, осваивать незнакомые профессии, приспосабливаясь к безжалостному ходу времени.

Тем не менее, связь с рекой остается для них важной частью их идентичности. Они продолжают выходить на воду, пусть и не так часто, как раньше, чтобы почувствовать ее дыхание, вспомнить прошлое и передать своим детям любовь к этому уникальному природному богатству. В их сердцах живет надежда, что однажды река вновь станет такой же щедрой и полноводной, как в старые добрые времена. Автобус в поселок Тихий приехал вовремя. Поселок оказался неожиданно крупным, сравнимым с кубанскими станицами. Дома на улице отличались разнообразием: скромные глиняные мазанки соседствовали с прочными кирпичными домами под шифером. Среди них выделялись и

современные особняки. Чувствовалось, что жители живут хорошо, а некоторые — очень комфортно.

Воздух был наполнен ароматом свежескошенной травы и дымом из печных труб, создавая ощущение уюта и тепла. По улице неспешно шли люди, здороваясь друг с другом. Дети играли в мяч на самодельном поле, их смех разносился по округе. У магазина собралась группа мужчин, обсуждавших последние новости и делившихся историями. В поселке царила спокойная и благополучная атмосфера. Время здесь текло медленнее, заботы казались менее тяжелыми. Люди жили в гармонии с природой и друг с другом, наслаждаясь простыми радостями и сохраняя традиции предков.

Этот поселок был как островок стабильности в бурном море современной жизни. Я почувствовал, что это место, где можно отдохнуть душой и набраться сил перед возвращением в шумный город. Здесь каждый чувствовал себя своим, частью большой и дружной семьи.

На автостанции меня ждал брат с тремя сыновьями. Я сразу узнал младшего – передо мной стоял маленький Толик. Его непокорный вихор, узкое личико и распахнутые голубые глаза напомнили мне детство. В этом озорном взгляде – вся фамильная порода. Все трое братьев были похожи на голубей из одного гнезда, только разного роста. Они бросились ко мне, безошибочно узнав родную кровь. Я обнял их разом, чувствуя, как сердце сжимается от нежности. Брат стоял в стороне, молчаливый и немного чужой. Годы разлуки изменили его. Мы не виделись очень давно. Я подошел и вгляделся в его лицо: те же родные черты, но обветренные и суровые, как будто высеченные из камня, временем и заботами. Мы крепко обнялись и пошли по улице, утопающей в многообразии осенних красок. На улице росли вишни, шелковицы, тополя и осины.

Вскоре перед нами возник дом брата – современный особняк в два этажа, ослепительно белый, словно жемчужина, явленная миру. Его стены искрились едва уловимым перламутром. Углы и основание, облицованные дагестанским доломитом, дышали благородной прохладой, а серебристо-серый оттенок камня подчеркивал безупречную элегантность жилища. Перед домом – секционный забор: отдельные кованые модули закреплены на опорных кирпичных столбах. Отдельно калитка и отдельно кованые ворота с причудливым орнаментом. Такой забор был у нашего родного дома на Кубани.

Анатолий сказал: «На основную стройку я потратил деньги из пособия при увольнении, а потом достраивал». И грустно добавил: «Тебя слишком долго не было». Я обнял его вместо извинения, и мы вошли в калитку. Перед домом раскинулся тщательно ухоженный газон, изумрудная гладь которого была

испещрена яркими клумбами с осенними цветами – хризантемами. Их очень любила наша мама. К дому вела аллея, выложенная разноцветной плиткой, ведущая прямо к главному входу. По обеим сторонам аллеи возвышались плодовые деревья, на которых осталось немного яблок. Анатолий, сгорая от желания, принялся живописывать свой дом, словно рассказывал легенду о чудесном граде. Сердцем дома, его незыблемым основанием, служил свайный фундамент, пронзающий землю подобно корням векового древа. Он даровал строению устойчивость, позволяя ему гордо возвышаться даже на коварных грунтах. Под первым этажом, в тени свай, расстилалась пожелтевшая изумрудная лужайка, ставшая домом для верного пса. Сваи поднимали дом на метр в высоту, визуально открывая пространство под ним, придавая ему воздушность и изящество. Эта приподнятость – память о буйных южных ветрах, когда дельта Каспия, словно разъяренный зверь, вздымалась и затопляла поселок. Ныне Каспий смирился, отступил, но кто знает, что принесет завтрашний день? Стены дома, возведенные из качественного пенобетона, дышали благородством и чистотой. Гладкие, словно шелк, они были искусно оштукатурены и выкрашены в ослепительно белый цвет с перламутровым оттенком. Углы и цоколь были облицованы серебристо-серым доломитом, придававшим дому неповторимую изысканность. Этот природный камень, прочный и долговечный, не уступал в своей красоте и надежности даже мрамору и травертину. Серебристый отблеск доломита элегантно контрастировал с белоснежными стенами, подчеркивая выразительность фасада. Долговечность дома – это сплав надежного основания и благородных материалов, способных выдержать испытание временем и капризами природы, сохраняя свой первозданный вид на долгие годы. Под домом в правом углу под сваями виднелась собачья будка, а рядом, тяжело вздыхая, развалился Мухтар, огромный серый кавказец. Его глаза, полные тоски, неотрывно следили за мной. Фасад дома украшала просторная веранда с резными балясинами, тянувшимися вдоль южной стороны. Широкая лестница приглашала подняться наверх. Блестели на солнце большие металлопластиковые окна.

У входной двери нас встретила хозяйка, Елена, жена брата, высокая и статная женщина, с копной черных волос, чуть раскосыми глазами и располагающей улыбкой. В её глазах читалась доброта и интеллект. Она радушно приветствовала нас, приглашая войти в дом, который, как оказалось, был еще более впечатляющим внутри, чем снаружи. Рядом с ней, словно два спелых арбуза, копошились малыши – двух и четырех лет.

В доме бросались в глаза просторные комнаты, залитые солнечным светом, обставленные со вкусом и элегантностью. В интерьере преобладали светлые тона, которые создавали атмосферу легкости и воздушности. На стенах висели

картины известных художников, а на полках стояли книги и изысканные предметы искусства.

В доме брата чувствовалась особая атмосфера – атмосфера уюта, гармонии и благополучия. Здесь каждая деталь была продумана до мелочей, а каждый предмет имел свою историю. Это был не просто дом, а настоящий дом мечты, в котором хотелось остаться навсегда.

Мы поздоровались с Еленой. Я видел эту женщину впервые, но она произвела на меня очень сильное впечатление, особенно когда я оценил порядок внутри дома. Здесь каждая вещь занимала свое определенное место. Полы сияли глянцем, словно застывшие зеркала, отражая призрачные силуэты, а на подоконниках не смела осесть пыль, даже когда за окном бушевала пыльная буря. Книги на полках выстроились в безупречные ряды, их страницы хранили чистоту и гладкость, а закладки лежали строго по центру. На кухне посуда искрилась, словно россыпь бриллиантов, а специи в баночках выстроились в причудливую цветовую и алфавитную симфонию. В холодильнике продукты располагались в строгой иерархии свежести, а на контейнерах с едой красовались надписи, выполненные с аптекарской точностью. В шкафах одежда висела, словно палитра художника, где каждый цвет и категория занимали свое место, а на ярлычках застыла история вещи: дата покупки и количество прожитых ею мгновений. Я невольно затаил дыхание, опасаясь нарушить хрупкую гармонию совершенства. Время, казалось, замерло здесь, превратив пространство в стерильную капсулу порядка и чистоты. И в этом не чувствовалось болезненной одержимости, нет, скорее, это было похоже на способ самовыражения, на потребность облечь внутренний мир в осязаемые формы, где каждый предмет становился отражением гармонии и покоя, царящих в ее душе.

Стол был накрыт. На нём были уха из свежей рыбы, пироги с грибами и разнообразные соленья. Дети смотрели на меня с интересом, а старшие даже пытались задавать вопросы о моей жизни в городе. После ужина мы сидели на закрытой веранде. Брат рассказывал мне местные истории. Его любовь к этим местам была искренней. Он делился легендами о речных духах и волшебных рыбах, описывал процесс рыбалки. Его связь с природой, глубокое уважение к реке и гордость за свой труд вызывали у меня восхищение. Его жизнь, наполненная трудностями, красотой и смыслом, была мне близка и понятна. Мы пили вино, пели песни под гитару и делились историями. Брат вспоминал армейские годы, а я рассказывал о своей современной жизни. Время летело незаметно, я чувствовал себя частью этой большой и дружной семьи. Глядя на них, я понял, что счастье не в деньгах, а в простых радостях: любви, семье и труде. Жизнь в посёлке Тихий была непростой, но они умели ценить то, что

имели, и радоваться каждому дню.

Для Анатолия Волга была не просто рекой – она дышала, жила, пульсировала под его чутким вниманием. Он знал каждый ее изгиб, каждую прибрежную иву, шепчущую свои тайны ветру. Он понимал язык рыб, чувствовал настроение воды, будто сам был частью этой великой реки, ее безмолвным стражем. Вскоре и я оказался вовлечен в его мир, полный тихой силы и непоколебимой веры. Вместе мы бороздили водные просторы, выслеживая тех, кто покушался на ее богатства, дарили реке новую жизнь, выпуская мальков в ее объятия. Анатолий учил меня читать водную гладь, понимать ее знаки, чувствовать ее капризы. И постепенно волжская дельта стала для меня не просто географической точкой на карте, а чем-то гораздо большим – местом обретения себя, тихой гаванью, где можно почувствовать неразрывную связь с природой, местом, где мой брат нашел свое призвание, свою истину.

Глава 3. Охота на волка и обманутые охотники.

Осень в тот год раскрасила берега в багряные и золотые тона, но дышала прохладой и предчувствием скорой зимы. Перед самым моим отъездом Анатолий пригласил меня на волчью охоту. По его словам, в соседнем хозяйстве свирепствовала стая – обезумевшие от голода хищники отбили от пастбища и угнали отару овец в степь. Отару удалось вернуть, но более тридцати животных были зверски растерзаны, остальные – искалечены. Охотники со всех окрестных районов собирались, чтобы дать отпор хищникам и не допустить повторения трагедии.

Я не колебался ни секунды. Во-первых, охота на волка – это всегда вызов, проверка на прочность, и я не мог упустить возможность испытать себя. Вовторых, я чувствовал ответственность перед людьми, которые страдали от набегов хищников. Зверь, почувствовавший вкус легкой добычи, становится опасен вдвойне.

На протяжении многих столетий волк считался опасным для домашнего скота и иногда даже для людей. С развитием сельского хозяйства и появлением поселений люди начали активно охотиться на волков, чтобы защитить свои стада и обеспечить безопасность.

Волк — это хитрый и осторожный хищник, и охота на него требует от охотника большого мастерства и опыта. Кроме этого, это древний ритуал, сплетенный нитями с человеческой цивилизацией. В культурах многих народов она обретала сакральный смысл, а на Руси волк стал зловещим символом первозданной дикости. Издревле волчий вой вселял страх в сердца поселян, предвещая беду

для скота и людей. С рассветом земледелия охота на серого хищника превратилась в жизненную необходимость – защиту стад и оплот безопасности. Современная охота на волка – это уже не просто промысел, а настоящее испытание для охотника, поединок с воплощенной хитростью, осторожностью и звериным инстинктом выживания. Волк – не просто зверь, а ужасающий боец. Он разметает свору гончих в кровавый вихрь стремительными ударами своих гигантских челюстей, почти не получив ран; даже бравые псы, мнящие себя бойцами, падут пред ним без специальной подготовки. Невероятная ловкость и дикая свирепость зверя, леденящий душу щелчок его клыкастой пасти и та природная дрессировка, что оттачивалась веками, даруют ему колоссальное преимущество над откормленными, мелкозубыми и гладкошерстными «бойцами». Даже превосходя волка в размерах, собака уступит ему в силе зубов и когтей, в прочности шкуры. Боевой танец волка и собаки – это танец разных миров: если пес метит в голову, шею и плечи, то волк крушит конечности врага. В честном бою волку нет равных. Он – тень, уворачивающаяся от смерти, ускользающая от опасности, молниеносно контратакующая. Зачет по смекалке и интеллекту волку выставляет сама природа, его мудрая мать. Все это поведал мне Анатолий, вглядываясь в предрассветную мглу, перед тем как мы ступили на волчью тропу.

С закатом мы отправились к месту, где, по слухам бывалых охотников, бродила стая хищников. Нашим проводником был Кирилл Петрович, старый охотник с пронзительным взглядом, казалось, знавший этот лес как собственную душу. Для него каждое сломанное деревце, каждая примятая травинка рассказывала свои тайны, он был природный следопыт. Оставив «Газель» на краю рощи, мы ступили под сень вековых деревьев. Кирилл Петрович двигался бесшумно и уверенно, словно лесной дух, а мы, затаив дыхание, старались не отстать, ловя каждое его слово. Его голос, хриплый от прожитых лет и терпкого табака, звучал как шелест осенней листвы.

Луна, словно серебряный глаз, всходила над горизонтом, пронзая густую листву призрачным светом. Лес дремал, убаюканный тихим шепотом листьев и редким стуком запоздалого дятла. Мы крались, стараясь не спугнуть ночную тишину, но с каждым шагом напряжение нарастало, словно тугая струна. Мы знали: где-то в темной чаще притаилась невидимая угроза. Внезапно Кирилл Петрович замер, подняв ладонь, требуя тишины. Он принюхался, словно дикий зверь, и указал на влажную землю. На темном фоне отчетливо виднелись свежие отпечатки лап. "Волки," – прошептал он, и взгляд его стал стальным. "Их здесь немало…"

Сердце бешено заколотилось в груди. Встреча с волчьей стаей – не лучший исход для ночной прогулки. Кирилл Петрович, словно скала, возвышался над

нами, давая последние наставления: держаться вместе, не поддаваться панике и ни в коем случае не открывать огонь без команды. Он был нашим щитом и проводником в этом диком, непредсказуемом царстве ночи.

Мы продолжали путь, стараясь не терять из виду Кирилла Петровича. Тяжесть ружья давила на плечо. Охота началась. Девять теней скользили по едва заметной тропе, предчувствуя засаду. Кирилл Петрович, словно опытный шахматист, расставлял фигуры по заранее просчитанным позициям – схронам, где охотник замирает в ожидании зверя. Мне досталось последнее место, на стыке берега реки и опушки рощи. За спиной чернела старая грунтовая дорога, впереди – река, не шире пятнадцати метров. Ночь плотно обступила со всех сторон. Заняв позицию и получив от Кирилла Петровича маленькую рацию, я погрузился в ожидание сигнала. В руках крепко сжимал двустволку брата, заряженную убийственной картечью. Сердце бешено колотилось в груди, смешивая трепет предвкушения с легким, щекочущим страхом.

Я вспоминал замысел охоты: волк — осторожный хищник, и организовать охоту на него сложно. Скорее всего, стая, на которую мы охотимся, – это семья этого года, молодой выводок пары волков. Их молодое потомство уже обычно в августе и сентябре готово к охоте. В эти месяцы появляются первые жертвы среди домашних животных. Охота проводится методом облавы, где первая группа находится в засаде – это мы, а вторая группа охотников с собаками будет гнать стаю на нас. Мы не должны пропустить ни одного волка. Тишина стояла звенящая, нарушаемая лишь редким криком ночной птицы, и очень хотелось спать. Вдали слышался собачий лай, который приближался с каждой минутой. Значит, загонщики уже начали свою работу. В предрассветной тишине степь наполнилась тревожными звуками. Загонщики, умело маневрируя по местности, гнали волчью стаю прямо на егерей, которые затаились в засаде. Волки мчались, повинуясь древним инстинктам. Их мощные тела, словно тени, скользили между кустами.

Я хладнокровно ждал своего часа. Моя двустволка была направлена точно в ту сторону, откуда должны были появиться хищники. Я знал, что волки обязательно появятся, но никто не появлялся. Прошел час, два, охотники стали собираться, выходя на дорогу. Подъехал УАЗ Хантер, на котором ездили загонщики. Кирилл Петрович разложил карту на его капоте и проговорил: «Не пойму, куда он делся. Пусть бы он нас увел от стаи, но где он сам?» Загонщики были поражены таким поворотом событий. Волки,

нарушив свои же правила, вырвались из смертельной ловушки. Егеря остались ни с чем, а стая, ведомая жаждой жизни, растворилась в степной дали, оставив за собой лишь следы на песке и недоуменные крики охотников. Подумав над

картой, Кирилл Петрович сказал: «Надо ехать в створ между "рукавами" рек. Он больше никуда не денется». Мы начали набиваться в "Хантер", я замешкался, и мне места не досталось. Я один остался стоять на дороге. "Хантер" с охотниками умчался в поисках волка. Я подошел к схрону – прятаться больше не имело смысла – и стоял рядом, слегка углубившись в заросли. Прошло не более часа. Внезапно спиной я почувствовал чужой взгляд и обернулся. На самом краю берега, всего в десяти метрах, застыл волк. Величественный зверь, сотканный из силы и грации, являл собой воплощение дикой свободы. Мощное, мускулистое тело дышало необузданной энергией, горделивая осанка говорила о врожденном превосходстве. Он стоял и смотрел на меня. Его взгляд был уверенным, немигающим и пронзительным. В нём читались первобытная сила и хитрая настороженность. Волк — это животное, известное своей свирепостью и мощью. Его взгляд вызывает у жертвы страх и парализует волю. Когда волк чувствует опасность, его глаза становятся особенно выразительными. В такие моменты его умные и проницательные глаза излучают решимость и уверенность. В зрачках хищника читается холодная расчётливость опытного бойца. Волк не торопится, внимательно изучая противника, будто читает его мысли и намерения. Его взгляд твёрд и сосредоточен, без тени страха или сомнения. Это взгляд существа, полностью контролирующего свои эмоции и действия. Он не просто демонстрирует свою волю и силу духа, он готов отстаивать свои позиции до последнего вздоха. В этом взгляде есть что-то первобытное, взгляд существа, живущего по законам дикой природы, где выживает сильнейший, и сила здесь измеряется не только мускулами и острыми зубами, но и умением сохранять уверенное хладнокровие в самый напряжённый момент.

Я застыл, пораженный, не столько дерзостью обмана, сколько гением интеллекта, соткавшего его. И дело было вовсе не в двустволке, тяжело повисшей на плече, заряженной картечью. Меня изумила невероятная жажда жизни, бьющая ключом в этом совершенном творении природы.

Мать-природа – великий художник, чья кисть создает шедевры, от которых захватывает дух. В ее неиссякаемой лаборатории рождаются существа, чья неповторимость – ежедневный источник нашего изумления. Каждое – исключительный шедевр, отражающий красоту и гармонию мироздания. Природа не устает

удивлять, напоминая о бесчисленных чудесах, таящихся в ожидании своего открытия.

В тот миг я осознал столкновение двух совершенств: человека и волка. И могучая сила волчьего инстинкта выживания, казалось, превзошла

человеческую. Это повергло меня в трепетное изумление. Если один волк – такая мощь, то что же такое стая? Единый разум, где каждый – часть сложного механизма, плетущего сети засад и неотступного преследования.

Но более всего поразил взгляд волка – исполненный неприкрытой гордости, уверенности победителя. Этот взгляд… Я встречал его много лет назад, но тогда он горел в глазах человека – человека достойного, отмеченного печатью таланта. Тогда мы тоже угодили в западню, и лишь благодаря ему, в чьем взоре пылал волчий огонь превосходства, мы вырвались, не потеряв ни чести, ни жизни.

Я посмотрел на волка доброжелательно, он понял этот взгляд, отвернулся и, не глядя на меня, продолжил свой путь в выбранном направлении.

Я вышел на берег реки и пошел в сторону оговоренного сбора охотников, метров через 500 я увидел семью барсуков, резвящихся на берегу. Я догадался, волк прятался в барсучьей норе. Нора барсука представляет собой сложную подземную систему, которая формируется на протяжении многих лет, барсуки постоянно роют новые ходы и отнорки. Тело волка не приспособлено для передвижения по узким подземным ходам. Но спрятаться на короткое время вполне реально.

Часть 2.

Глава 1. Контртеррористическая операция глазами врача.

Весной 2001 года я служил военным врачом в спецподразделении внутренних войск МВД. В тот день мы проводили контртеррористическую операцию в Старых Атагах. Весна еще не успела растопить лед, прохладный ветер гулял по ущельям, а свинцовые тучи скрывали белоснежные вершины гор. Кавказ тогда был охвачен войной, долгой и мучительной. Эти земли у подножия величественного Эльбруса были не только красивы, но и полны тревоги.

Перед операцией командование получило данные разведки: в селении Старые Атаги скрывались главари бандформирований. Напряжение росло, как тугая пружина. Операция обещала быть сложной, но мы понимали: от наших действий зависит будущее этого израненного края и всей страны.

В тот прохладный весенний день, когда солнце едва пробивалось сквозь туман, наши подразделения цепочкой прочесывали селение. Впереди шли саперы, за ними — солдаты и офицеры, методично проверяя каждый дом, каждый сарай.

Тишина давила на уши. Казалось, само время замерло в ожидании. Война – это не только стрельба и взрывы, это страшное зло, сломанные судьбы, разрушенные мечты и бесконечная боль. И мы все, солдаты, боевики, старики и дети, стали заложниками этой боли.

Местные жители безучастно смотрели на происходящее, но в воздухе ощущалось напряжение. В глазах некоторых читались недоверие и робкая надежда. Они одновременно боялись нас и ждали помощи. Мы старались наладить контакт, убедить их, что пришли как защитники, а не враги. Некоторые, рискуя жизнью, пытались помочь, но страх наказания сковывал многих. Однако для многих — это стало лучом надежды — надеждой на то, что операция по восстановлению конституционного порядка положит конец хаосу в республике.

В те годы не закон определял жизнь и благополучие людей. Всевластным правителем был автомат Калашникова и пистолет Макарова, а также европейские и американские винтовки. Все они безраздельно властвовали. С оружием в руках человек был хозяином жизни, без него он становился бесправным рабом. Оружие было повсюду: в каждом дворе, за каждым углом. Это смертоносное детище советской военной инженерии стало частью повседневной реальности. Дети играли с гильзами, как с игрушками, а взрослые решали споры с помощью аргументов, которые АК высказывал убедительнее любых слов. Законы не действовали, а единственным мерилом справедливости был калибр. Сильные диктовали правила, а слабые подчинялись, если хотели выжить. Государство, которое когда-то обеспечивало порядок, превратилось в бледное воспоминание о стабильности и безопасности. Люди жили одним днём, вздрагивая от каждого шороха и опасаясь ночи, когда улицы становились ареной для банд мародеров. Каждая семья, у которой была возможность, обзаводилась личным автоматом — символом борьбы за выживание. Но даже это не гарантировало безопасности.

Подразделения крались по узким улочкам поселка. Их взгляды были устремлены к горизонту. Крепкие кирпичные дома стояли вдоль дороги, как крепости, храня свои тайны. Саперы прощупывали каждый уголок, вселяя осторожную уверенность. Солдаты и офицеры тщательно осматривали каждый клочок земли, изучая дома, как древние манускрипты. Напряженная тишина висела в воздухе, словно ожидая невидимой угрозы. Любой шорох или скрип эхом отзывался в натянутых нервах.

Я установил полевой медицинский пункт рядом с командно-штабной машиной. Моя задача — быть готовым ко всему, защищать раненых и больных. Адреналин кипел в крови, и, несмотря на опыт, я не мог избавиться от предчувствия:

каждое мгновение — игра с судьбой. Я поставил свой УАЗ так, чтобы в любой момент быть готовым сорваться и оказаться там, где нужна помощь.

Внезапно тишина лопнула, словно перетянутая струна, и мир захлестнула ярость. Свинцовый ливень пуль, хлёсткий треск автоматов разорвал тишину, оглушая и парализуя сознание. Время застыло в янтарном сиропе, а затем тело пронзила обжигающая волна адреналина. Симфония смерти гремела отовсюду. Мир поплыл, превращаясь в хаотичную мешанину звуков: визгливый треск стрельбы, утробные взрывы гранат, истошные крики боли. Сердце бешено колотилось в груди, словно пойманная птица, отчаянно рвущаяся на волю. Но сквозь животный страх пробивалось отчетливое осознание: есть раненные, и я должен им помочь, я тоненькая нить, связующая жизнь и смерть для раненного солдата. Рация захлебнулась хриплым криком, продираясь сквозь хаотическое нагромождение звуков боя: улица Северная, 39 – раненые! Моя "Буханка" – санитарный УАЗ-396, с салоном на девять душ – взревела звериным рыком и, повинуясь воле водителя, понеслась по указанному адресу. Регулировщики, словно дирижеры в аду, взмахивая отмашками флажков, расчищали путь сквозь огненную карусель. И вот он – двухэтажный особняк из красного кирпича, окруженный неприступной стеной, словно феодальный замок надменного вельможи, бросивший вызов самой смерти. Кованые ворота, изувеченные тараном БТР-80, зияли рваными ранами, повиснув на искромсанных петлях, словно сломанные крылья поверженного ангела. БТР, завалившийся на левый бок с вырванными колесами, изрыгал огненную лаву из 14,5-мм КПВТ, сея смерть и разрушение в ряды противника. С правого борта из бойниц, словно из глазниц адского чудовища, строчили автоматы Калашникова, выплевывая свинец. Над воротами возвышалась триумфальная арка, увенчанная геральдическим щитом с гордым гербом: полулежащий волк с высоко поднятой головой, символ свободы и непокорности, на фоне замысловатого национального орнамента, плавно переходящего в полумесяц с девятью звездами, мерцающими в нижней части, словно надежда в кромешной тьме. По бокам высились сторожевые башни, хоть и декоративные. За забором раскинулся ухоженный сад, словно оазис красоты и спокойствия посреди бушующего хаоса. Подстриженные кусты, выстроившись в ровные шеренги, словно солдаты на плацу, вели к широкой каменной лестнице, величаво взбегавшей к парадному входу. Фонтан с античными статуями, словно осколок древней цивилизации, искрился в центре, разбрасывая хрустальные брызги, словно россыпь бриллиантов, оплакивающих пролитую кровь.

Окна дома были плотно зашторены, скрывая внутреннюю жизнь от посторонних глаз. Лишь спорадические выстрелы из темных проемов выдавали присутствие хозяев. Стоя перед этими вратами, чувствуешь себя не гостем, а незваным вторженцем, посягнувшим на чужую территорию. Дом крепость внушал

невольное уважение.

Сгущающийся туман окутывал окрестности, придавая пейзажу зловещий оттенок. Разбитые окна, опаленные стены, изорванная в клочья крыша – шрамы войны кровоточили на лице дома. Замолкший БТР с оторванными колесами хранил на броне следы пуль и осколков – его личную историю самопожертвования и защиты.

Из окна второго этажа вывесили белый флаг — символ капитуляции и перемирия. Это формальная просьба о перемирии, демонстрирующая готовность одной стороны сдаться и договориться об условиях мира.

Солдат, стоящий у входа, указал мне на раненных, которые лежали недалеко под деревом, за кирпичной стеной. Возле них работали санинструктора подразделений, оказывая первую медицинскую помощь. Они наложили жгуты на поврежденные конечности и провели обезболивание. Сквозь шипящий вой помех я вызвал по рации вертушку, захлебываясь, доложил обстановку начмеду группировки, стараясь говорить четко и сжато, чтобы не тратить драгоценное время. Начмед ответил сразу, предложив площадку для эвакуации вертолетом за пределами поселка — место безопасное, расположенное на околице посёлка Старые Атаги.

Я быстро осмотрел раненных: один из них, сержант, выглядел особенно плохо, он ранен в правый бок и тяжело дышал. Пуля, пронзившая его левый бок, оказалась особенно коварной, пробравшись под бронежилет и доставив невероятную боль. Я принялся за свою работу, в подобных условиях мысль работает во много раз быстрее, а движения ускоряются до предела. Я ощущал ответственность за каждого своего пациента, за каждого бойца, который доверял мне свою жизнь. Я знал, что даже малейшая ошибка может стоить кому-то спасения. Обостренные чувства были на пределе; каждый звук, каждый сокровенный взгляд, обращенный к раненому, словно говорил: "Ты не один". Второму рядовому солдату ранили обе ноги. Я быстро оценивал их состояние. Его состояние было тяжелым, но, к счастью, не смертельным. Хотя пулевые и осколочные ранения, если не оказать первую медицинскую помощь, могли стать фатальными. И пока специальная команда обеспечивала прикрытие, я занялся первой врачебной помощью. Каждая секунда казалась вечностью, но решимость и тренировка давали уверенность. Сержант с ранением груди, молодой парень, был в панике, его глаза блестели от страха. Он лежал, скрючившись на левом боку, там, где пуля, словно змея, проскользнула под броню, оставив зияющую рану. Дыхание его было хриплым и тяжелым, каждым вздохом отмеряя последние секунды. Это напомнило мне о том, что они не просто солдаты, они люди, со своими проблемами и планами на жизнь. Я попробовал его успокоить,

объясняя, что он не одинок. Санинструкторы работали слаженно, обезболивающее уже подействовало, и я увидел, как муки на лице раненого начали немного утихать. Но время не ждало, и я приступил к работе. Я собрал все необходимые инструменты, подготовил дренаж для плевральной полости, применяя метод дренирования по "Бюлау", основанный на принципе пассивного всасывания воздуха в закрытой системе, чтобы воздух мог выйти, предотвращая коллапс легкого. Быстро, но аккуратно, я загерметизировал входную пулевую рану, стараясь максимально минимизировать риск инфицирования. Ввел вакцину и антибиотик, я продолжал контролировать его состояние, откорректировав противошоковые мероприятия. «Держись, браток!» — произнес я, стараясь придать ему уверенности, и проколол специальной иглой плевральную полость. Воздух с шумом вырвался через аппарат Боброва, окрасив фурацилиновый раствор в красный цвет. Больной порозовел, дыхание стало спокойным. Сержант улыбнулся, почувствовав облегчение.

Второго беспокоила адская боль – обе ноги пронзены осколками. На ногах кровоточили рваные раны. Я зашивал разорванные сосуды, словно латал изорванную в клочья ткань судьбы. Снял жгуты. Вновь назначил противошоковые, обезболивающее, вакцину и антибиотики… Время стало тягучим и ускользающим, словно просачиваясь сквозь переплетение жизни и смерти. Санинструкторы, не теряя ни мгновения, заковывали истерзанные конечности в холодные объятия шин: слева решетчатую шину Крамера, справа деревянную сплошную шину Дитерихса.

Раненые, лежащие на земле, выглядели изможденными. Санинструкторы части работали с максимальной сосредоточенностью. Я видел, как один из них, наклонившись над раненым, говорил слова поддержки, а каждый его жест означал: "Ты не один. Мы сделаем все возможное, чтобы спасти тебя." Водитель вместе с другими бойцами подготовили носилки, мы быстро и осторожно внесли раненых в УАЗ. Стараясь избегать открытых пространств и возможных выстрелов противника, под прикрытием БТР и группы солдат выехали к месту посадки вертолета.

С напряжением ожидал вертолет, его шум был не только звуком надежды, но и сигналом к действию. Время шло, и я знал, что мы должны быть готовы к тому, что нас может ожидать в ближайшие минуты. Пока ждали вертолет, я продолжал поддерживать раненых, стараясь отвлечь их от боли беседой, шутками и спокойным тоном. Я рассказывал, как скоро их будет ждать костюм для выписки и как они смогут вернуться к своим товарищам. Что-то в моем голосе, возможно, показалось им заразительным, потому что один из них, хоть и с трудом, улыбнулся. В эти моменты я понимал: медицина — это не только

знания и навыки, но и человеческое отношение, умение быть рядом с теми, кто в беде, в тоже время методически контролируя состояние сознания, дыхания и кровообращения.

Наконец вертолет приземлился, не сбрасывая обороты, открылись двери. Из них вышла ангел в белом халате – доктор санавиации. Я передал ей листы сопровождения, заполненные на ходу. Эти специальные формы отчетности заполняются быстро, нужно лишь подчеркнуть то, что уже сделано. Погрузка заняла секунды, и вертолет улетел.

Глава 2. Встреча в лесу. Генерал против Хаттаба.

Я вернулся на поле боя, все стихло, арестованных увезли. БТР ещё ремонтировала группа солдат, но стоял он уже прямо. Я нашел укромное место, присел на поваленное дерево. Достал термос с кофе, сделал несколько глотков обжигающей жидкости. Тепло разлилось по телу, ненадолго отвлекая от кошмара. Закрыл глаза, пытаясь отгородиться от окружающего ужаса, но перед глазами снова и снова всплывали лица раненых, их стоны, их мольбы.

Я, прикрыв глаза и засыпая, подумал: "Доктор санавиации в белоснежном халате. Какая ирония! В этом мире, где каждый день – война, где смерть дышит в затылок, врачи не носят халаты. Наверное, она ангел, спустившийся с небес, а вместо крыльев у неё скальпели и бинты", – подумал я, засыпая.

Проснулся я от прикосновения, рядом со мной стоял человек в полевой генеральской форме. Я встал и вытянулся по стойке смирно.

Передо мной стоял генерал Хрулев, командующий проводимой спецоперацией. Я знал его ранее, но так близко видел его впервые. Еще когда я оказывал помощь раненным сегодня, я заметил, как он стоял невдалеке, наблюдая за моими действиями и санинструкторов.

Это был пожилой мужчина среднего роста с характерной военной выправкой, плотным телосложением и уверенным, строгим взглядом. Лицо его отличалось правильными чертами: круглая голова с аккуратно подстриженными волосами "бобриком" создавала впечатление простоты и строгости. Карие глаза широко открыты, взгляд пронзительный и властный, что характерно для человека, привыкшего командовать. Густые кустистые брови, прямой узкий нос придавали лицу особую выразительность. Широкий подбородок, гладко выбритый, говорил о решительности характера и твёрдости принятых решений. Генеральская форма, идеально сидящая по фигуре, подчёркивала его высокий статус и

уважение к воинским традициям. Каждая деталь его облика – от причёски до одежды – говорила о строгом соблюдении устава и многолетнем опыте военной службы. Я знал его как человека, привыкшего к дисциплине и порядку, обладающего большим авторитетом и заслуженным уважением. Поэтому мой сон мог быть расценен двояко. «Здравия желаю, товарищ генерал!» – громко поприветствовал я вышестоящего начальника. Генерал пожал мне руку и сказал: «Мне понадобится твоя помощь, майор. После операции поедешь со мной в дальний аул, там заболел мой друг. Переночуем там, а утром я отправлю тебя в медсанбат». Отказаться было невозможно. Его облик излучал такую несокрушимую уверенность и мощь, свойственную лишь высшим военным чинам, закаленным в горниле многолетней службы. Я ощутил крепость его ладони, пожав широкую, загрубевшую руку с коротко остриженными ногтями – руку, привыкшую держать оружие и властно отдавать приказы. Он развернулся и направился к ждавшему его автомобилю. В каждом его движении чувствовалась сдержанная, но клокочущая энергия и непоколебимая целеустремленность. Ни тени суетливости, лишь отточенная выверенность жестов. Даже в этой обстановке он сохранял военную выправку, словно стальной стержень держал его спину. Голос – ровный, с металлическими нотками – выдавал в нем командира, прошедшего сквозь огонь и воду. В его речи не было ни единого лишнего слова, каждое высказывание – точный удар, лаконичный и весомый. В памяти всплывали рассказы о нем, об этом человеке-легенде, очевидце и участнике ключевых событий истории. В глубине его глаз, словно в зеркале, отражались отблески былых сражений, триумфов и горьких потерь. За его плечами – долгие годы безупречной службы, беззаветно посвященной защите Родины. Он – живой пример доблести, воплощение мужества и чести. Встреча с ним – это прикосновение к самой истории, возможность ощутить дыхание минувшей эпохи. Он – квинтэссенция силы, дисциплины и безграничной преданности долгу. Генерал до мозга костей, человек привыкший нести бремя ответственности за каждое свое решение и вести за собой людей. Он обладал феноменальной памятью, был образцом кристальной честности и неподкупной порядочности, принципиальным и несгибаемым в отстаивании правды.

Спецоперация завершилась. Техника, словно змея, вытянулась в колонну. Личный состав занял места согласно штатному расписанию. Мое место – фельдшер 301-го полка. Его, вместо меня, назначили фельдшером колонны, ответственным за медицинскую помощь в пути. Колонна тронулась, а я направился к УАЗ «Хантер» генерала Хрулева.

Этот автомобиль — рабочая лошадка спецоперации. Его внешний вид представлял собой удручающее зрелище. Выцветший серый брезент, изрешеченный дырами, уныло навис над кузовом. На полуоткрытых окнах

болтались видавшие виды бронежилеты. Такие же, грубо примотанные проволокой, приторочены на спинках задних сидений. Внутри царил хаос, пропитанный тошнотворным запахом пролитого бензина.

Это был не просто автомобиль – броневик-ветеран, живой памятник войне, символ несгибаемого труженика и помощника в ратных делах, способного выжить в аду, последнее пристанище для тех, кто видел такое, что другим и не снилось, и потому ничего больше не боялся. Мы ждали генерала, и тишина, словно саван, окутала все вокруг, лишь изредка нарушаемая порывами ветра, проникавшими сквозь рваные раны в брезенте. Время словно застыло в ожидании генерала. Возле машины, неподвижные, как каменные стражи, замерли два бойца спецназа – охрана и живой щит генерал-майора. Могучие, словно вековые дубы, с телами, выкованными из стали и мускулов, они были увешаны оружием, словно новогодняя елка игрушками. Холодно поблескивали клинки ножей, угрожающе чернели стволы пистолетов Стечкина, хищно щурились глушители автоматов Калашникова с подствольными гранатомётами. За плечами каждого воина возвышался РПГ, словно олицетворение неотвратимой разрушительной силы. Двенадцать магазинов с патронами и пара подсумков с гранатами завершали их устрашающий облик, источавший ауру смертельной опасности. Один их вид вселял леденящий душу ужас.

Я втиснул свою медицинскую сумку в багажник, и без того забитый под завязку какими-то коробками, сумками и мешками. С помощью водителя, кряхтя и чертыхаясь про себя, я кое-как пристроил свою поклажу. Резкий выкрик генерала: «По местам!» – заставил вздрогнуть. Я протиснулся на заднее сиденье, где двое спецназовцев, словно тиски, сжали меня с обеих сторон своей внушительной массой.

Машина рванула с места, и я, не успев толком устроиться, почувствовал, как меня вдавило в спинку сиденья. Спецназовцы молчали, их суровые лица ничего не выражали. Только напряженные мускулы выдавали их готовность к любым неожиданностям. В голове роились вопросы: куда мы едем и зачем? Но задавать их сейчас, в этой атмосфере суровой сосредоточенности, казалось неуместным. Я знал лишь одно: меня бросили в эту машину и везут в неизвестном направлении. Извилистая дорога пролегала сквозь чащу леса. Заходящее солнце бросало свои лучи сквозь плотные ветви, придавая окружающему виду мрачный и потусторонний оттенок. Безмолвие прерывалось лишь монотонным звуком двигателя и обрывистыми указаниями генерала по радиосвязи, который руководил колонной, находясь впереди. Чем глубже мы продвигались в лес, тем сильнее становилось беспокойство. С каждым поворотом плохо асфальтированной дороги деревья казались все выше, а тени — гуще.

Чувствовалось, как лес дышит, наблюдая за нами своими невидимыми глазами.

Внезапный визг тормозов прорезал тишину, и УАЗ «Хантер» замер перед рухнувшим деревом, преградившим путь. Из лесной чащи, словно из-под земли, возникли тени – вооруженные люди. Мохнатые папахи, гордо венчавшие их головы, выдавали сынов гор. Грубые овчинные шубы соседствовали с потрепанными стегаными черкесками, на поясах сверкали кинжалы. Около двух десятков бородатых лиц, искаженных неприкрытой злобой, смотрели на автомобиль сквозь прицелы автоматов. Бурки, словно крылья воронов, добавляли мрачности этому внезапному сборищу.

Спецназ, затаившись в салоне, приготовил оружие. Но ситуация казалась безнадежной: стальной капкан вокруг автомобиля, плотное кольцо автоматных стволов снаружи.

Наэлектризованное напряжение сдавливало воздух в салоне. Стук сердец, казалось, барабанил в ушах, заглушая все остальные звуки. "Всем тихо, оружие не трогать", – приказал генерал. В его голосе звучала стальная решимость, смешанная с ледяной яростью. Он знал цену каждого своего слова. Приоткрыв окно, он заговорил ровным, спокойным голосом: "Кто здесь старший?"

От толпы отделился высокий молодой человек в белой папахе и белом полушубке, с кобурой и серебряным кинжалом на поясе. Лицо его было изрезано шрамом, а в глазах полыхала ненависть. "Я здесь старший. Вы кто такие и что вам нужно на моей земле?" – прорычал он, сжимая в руке пистолет Glock 17. Спокойствие сохранял лишь генерал. Он невозмутимо вышел из машины и пригласил командира для переговоров. Не отрывая взгляда от генерала, руководитель боевиков медленно подошел к генералу. В его глазах читалась смесь настороженности и вызова.

Дверь автомобиля оставалась открытой, и мы слышали разговор.

— Кто вы такие и что вам здесь нужно? — спросил генерал Хрулев, его голос звучал уверенно и властно, несмотря на напряжённую обстановку.

Командир боевиков прищурился, изучая генерала.

— Это наша земля, и мы решаем, кто здесь ходит. Вы нарушили границы нашей территории. Объясните свои намерения.

Генерал выдержал его взгляд, не дрогнув.

— Мы едем на переговоры с вашим командующим, генералом Салманом Абдулхалаковичем Хайхоровым. Он обещал, что дорога будет свободна, и я могу

безопасно проехать. Мы спешим и должны продолжить путь.

— Мы не подчиняемся генералу Хайхороеву, — ответил молодой командир. — У нас свой командир — Хаттаб. Он приказал перекрыть дорогу и никого не пропускать.

Повисла напряжённая пауза. Боевики Хаттаба известны своей жестокостью и хладнокровием, что добавляло особую остроту к неустойчивости ситуации. Однако в эту сложную минуту генерал проявил недюжинную храбрость и интуицию. Он демонстративно отдал команду внутрь автомобиля: «Всем сохранять хладнокровие и выдержку». Было очевидно, что важность переговоров в таких условиях сложно переоценить. Генерал знал, что силовой сценарий может привести лишь к необратимым последствиям, поэтому он решил договориться о безопасном уходе.

Молодой командир ваххабитов внимательно изучал генерала, пытаясь понять его намерения. Но имя Хайхороева произвело на него сильное впечатление, и голос его стал мягче.

Все равно генерал понимал, что ситуация остается критической. Имя Хаттаба звучало как приговор, намекая на возможный исход боестолкновения. Но он не мог позволить себе отступить. Он настаивал, что сорванные переговоры могли иметь катастрофические последствия для всего региона.

— Хорошо, — ответил генерал, голос его звучал ровно, хотя внутри бушевал ураган. — Я понимаю сложность вашей ситуации. Но передайте Хаттабу: я направляюсь на переговоры, от которых зависит будущее наших народов. Генерал Хайхороев дал слово о моей безопасности, и я верю, Хаттаб оценит важность момента.

Молодой командир нахмурился, словно тяжелые думы свили гнездо у него на лбу. В глазах металось сомнение – приказ Хаттаба против уважения к Хайхороеву. Он словно разрывался между двух огней.

— Я должен связаться с Хаттабом, — наконец произнес он. — Пойдем к рации. Коротким жестом он отдал приказ, и боевики, словно растворяясь, ушли в тень, уступая дорогу к палатке, где ждала рация. Генерал следовал за ним, внешне непроницаемый, но внутри бушевал шторм предчувствий. Он знал: от этого разговора зависят не только его личная судьба, но и хрупкие надежды людей в автомобиле. Через несколько минут он вернулся к автомобилю, сопровождаемый четырьмя парами глаз, которые охраняли УАЗ с четырех сторон – четыре прицела, неотступно следящих за каждым его движением.

Четыре тени с автоматами, готовыми к бою.

Генерал, не оборачиваясь, бросил через распахнутую дверь: «Доктор, возьмите сумку – за мной». Спецназовец справа, словно призрак, перехватил автомат в левую руку, мгновенно распахнул дверцу и бесшумно выскользнул из машины, оставив оружие в салоне. Я последовал за ним, вынул из багажника медицинскую сумку и двинулся следом за генералом. Палатка притаилась в складках горного рельефа, в небольшом углублении, скрытом от любопытных глаз. Это была палатка родом из стран НАТО. Эти творения современной инженерии поражали продуманностью и комфортом, но требовали бережного обращения и постоянной заботы. Совсем иное дело – наши, тяжелые и неуютные, но надежные и неприхотливые, пусть и уступающие в технологичности. Их палатка делилась на тамбур и три отсека, разгороженных нейлоновыми перегородками и пластиковыми дверями. Печки-буржуйки не было, но в воздухе ощущалось приятное тепло, исходящее от тепловентиляторов. Где-то вдали, невидимый и неслышный, урчал генератор, даря этому маленькому дому электрическую жизнь.

В первом отсеке, у радиостанции, среди аскетичной обстановки – шкафа и сейфа – коротали время радист и дневальный. Меня пригласили во второй. Там, в полумраке, высились койки в три яруса. На одной из них, скорчившись от боли, лежал пожилой человек. Простреленная голень пульсировала и сильно болела, и стоны вырывались у него против воли. "Несчастный случай, – сухо бросил молодой командир ваххабитов. – Доктор, окажите помощь.

Завтра доставим его в больницу".

Со мной остался дневальный, он же был в отряде санинструктором. Я принялся за работу. Обезболивание, общее и местное, лишь притупили страдания. Первичная хирургическая обработка раны обнажила рваные, кровоточащие края. Я ушил зияющие сосуды, наладил инфузионную терапию, ввел антибиотик, провел вакцинацию. Санинструктор, словно тень, предлагал свои медикаменты из европейского медицинского ящика НАТО. На рану наложил повязку с повидон-йодом, извлеченную из этой сумки. Там же я нашел гипсовые бинты и, не теряя времени, соорудил удобную лангету – больной отчаянно нуждался в серьезной иммобилизации. Я работал, а напряжение в воздухе звенело. Краем уха ловил обрывки разговора из первого отсека. Командир боевиков докладывал о нашей группе и цели визита. В ответ раздался грубый, прокуренный бас, словно голос из преисподней: "Хайхороева в окрестностях нет. Врут. Разоружить и доставить в лес." Вмешался генерал. В его голосе клокотала ярость, едва сдерживаемая стальной выдержкой: "Вы отдаете себе отчет в срыве переговоров?!" Сорвать переговоры… Это был не просто провал, это была бездна, в которую рухнула

хрупкая надежда на мир. Похороненные жизни, развязанная война – все это ложилось на плечи этого прокуренного голоса, отдавшего приказ о захвате. Генерал сорвал тангенту микрофона: "Кто говорит?! – прорычал он, давя в себе гнев. – Назовите себя!"

В ответ – лишь предательское молчание, нарушаемое лишь треском помех в динамике. Генерал продолжил, силясь сохранить видимость спокойствия: "Вы понимаете, что своими действиями ставите под угрозу жизни людей? Вы срываете мирный процесс!"

Снова тишина, тягучая, как предчувствие беды. Генерал почувствовал, как по виску медленно стекает капля холодного пота. Он знал, что времени у них – песчинки. Ускользающие сквозь пальцы. Каждый час, каждая минута могли стать последними для кого-то.

«Я генерал Хрулёв, представитель командования объединенной группировки войск», – произнес он, чеканя слова, словно отливая их из стали, – «Я требую немедленно освободить группу переговорщиков и обеспечить их безопасный проезд к линии разграничения. В противном случае вы будете нести полную, без всяких оговорок, ответственность за последствия».

Тишина, словно саван, накрыла эфир, давила на барабанные перепонки, становясь почти осязаемой. Наконец, эту звенящую пустоту разорвал скрежет помех, а затем – короткий, презрительный смешок, пропитанный ядовитой ненавистью. «Ответственность? – прохрипел голос, словно вырвавшийся из могильной плиты, прокуренный до самой души. – Вы говорите об ответственности? А кто ответит за наших погибших? За руины, в которые превратились наши дома? За слезы, которыми захлебываются наши матери?

Вы думаете, мы поверим на ваши лживые обещания?»

Связь оборвалась, оставив после себя лишь звенящую, ледяную пустоту. В штабе повисла тишина, тяжелая и удушающая, как предчувствие беды. Генерал стоял неподвижно у радиостанции, словно окаменевший, погруженный в бездну собственных мыслей. Я закончив перевязку вернулся в первый отсек палатки, и генерал-майор Хрулёв поднял на меня свой каменный взгляд. Взгляд уверенного и ответственного человека, взгляд сильный и пронзительный. Его взгляд – это отражение жизненного опыта, закаленного десятками сражений и битв характеров. В нем нет ни тени сомнения или страха, только холодная решимость и спокойная уверенность. Этот лидер видел смерть и знает, что такое настоящая победа, но сохраняет способность хладнокровно анализировать происходящее. Его взгляд лишен суеты, он излучает спокойную силу и уверенность в исходе. В

нем нет агрессии, только расчетливость и сосредоточенность. Он словно говорит: «Я знаю, что делаю, и готов к любому повороту».

Этот взгляд – мощное оружие, не менее грозное, чем его армия. Он способен успокоить встревоженных, вдохновить сомневающихся и сломить дух противника до начала сражения. В глазах читается не просто уверенность в победе, а понимание, как ее достичь. Это взгляд матерого волка, пережившего множество испытаний в борьбе за выживание, в котором авторитарная сила сплетена с хищной настороженностью зверя, вышедшего на охоту.

Рядом стоял командир ваххабитов тоже молча оценивал ситуацию. Брови генерала, сдвинутые к переносице, пролегли глубокой складкой. Внешне он сохранял невозмутимое спокойствие, за которым скрывалась железная воля, держащая ситуацию под жестким контролем, не допускающая даже намека на панику или страх. Его глаза сканировали пространство, выявляя малейшие изменения, любой потенциальный признак угрозы. В каждом его движении чувствовалась многолетняя выучка, внутренняя уверенность и готовность действовать решительно и хладнокровно в любой, даже самой критической ситуации.

Когда командир ваххабитов повел нас к нашему автомобилю, я заметил, как он демонстрировал генералу едва уловимые знаки почтения. Звериным чутьем он безошибочно определил, с кем имеет дело. На каком-то инстинктивном уровне он почувствовал в генерале доминирующего лидера и безоговорочно подчинился ему, а не безымянному голосу из радиостанции. В момент встречи взглядов между ними возникла связь, превосходящая простое понимание. Это был не просто генерал, а воплощение неписаных законов, определяющих иерархию, человек, управляющий сотнями тысяч людей и сложной военной техникой. Генерал источал харизму и властность с естественной непринужденностью. Его безупречная форма и лицо, отмеченное печатью мудрости и неиссякаемой энергии, излучали уверенность. Командир ваххабитов ощутил непостижимый груз ответственности, лежащий на его плечах, осознавая, что вскоре ему предстоит принимать решения, которые повлияют на судьбы не только его самого, но и всей группировки.

С каждой секундой он все глубже осознавал, что союз с генералом – это выбор, способный радикально изменить судьбу его народа. И по мере продвижения вперед, страх отступал, уступая место инстинктам, чувству долга и уверенности в том, что сила воли, единство и боевой дух помогут им преодолеть любые препятствия на их долгом и опасном пути к миру.

Боевик медленно ходил вокруг нашего автомобиля. Время тянулось мучительно долго. Напряжение висело в воздухе, готовое в любую секунду вылиться в смертоносную схватку. Но генерал продолжал говорить, искать точки соприкосновения. И его слова находили отклик в сердцах этих ожесточенных войной людей. Я занял на свое место в автомобиле, сумку поставил на колени. Генерал стоял возле своей двери. Наконец командир ваххабитов сказал: "Хорошо. Мы уберем дерево. Но помните: в следующий раз не ступайте на нашу землю без предупреждения." Он махнул рукой, и несколько человек принялись расчищать дорогу, действуя слаженно и быстро. Вскоре проезд был свободен. Командир снова посмотрел на генерала.

"Счастливого пути."

"УАЗ ик" завелся с первого оборота. Мотор взревел, разрывая ночную тишину. И машина понеслась вперед, вырываясь из смертельной ловушки. Водитель гнал, не разбирая дороги, зная, что опасность не миновала и автомобиль могут расстрелять сзади, верить никому нельзя. Но никто не стрелял.

Ночь продолжала сгущаться, окутывая все вокруг своей мрачной пеленой. После того как мы отъехали на приличное расстояние, и угроза была нейтрализована, все мы почувствовали большое облегчение, но понимали, что впереди еще длинный путь.

Позже, оглядываясь на свои воспоминания, я отчетливо понимаю, что этот опыт, хоть и был полон страха и напряжения, стал важной частью моего пути. Мы стали свидетелями того, как решительные действия могут повлиять на благополучный исход в жизни людей. Этот период, несомненно, оставил яркий след в моем сознании, как напоминание о том, как редки мир и спокойствие. Общение с местными жителями и сознание того, что мы смогли вернуть надежду в их благополучие, остается одним из самых ценных воспоминаний из моего военного опыта.

А ехали мы действительно к генералу Хайхорову Салману Абдулхалаковичу, который лежал в постели с гипертоническим кризом на фоне эмоционального перенапряжения. Я плавно вывел его из криза и провел профилактику инсульта. Назначил плановое лечение и уже утром он был на ногах. Я обучил женщину фельдшера, которая присматривала за его здоровьем, современным технологиям ведения этого заболевания. После пышного завтрака в нашу честь, за нами прилетел вертолет. Из разговоров я понял, что генерал Хрулев и генерал Хайхоров, были знакомы были знакомы и дружили с моменты окончания военного училища в СССР. Именно это обстоятельство заставило нашего

генерала ехать ночью через лес, полный боевиков разных кланов. Его друг был ему очень дорог.

Я, вернувшись в расположение своих войск, навсегда запомнил эту ночь. И понял, что сила оружия – это не всегда лучший аргумент. Иногда, мужество заключается не в том, чтобы идти напролом, а в умении найти общий язык с врагом, даже в самых сложных обстоятельствах. Дипломатия лучший способ решения этих проблем. Она охватывает совокупность практических мероприятий, приёмов и методов, которые используются для достижения целей без применения военной силы.

Урок, преподанный кавказской ночью, я вспомнил, когда увидел серого волка, который и семью свою спас, и сам ушел от погони, сохранив жизнь. Конечно, если бы на моем месте был профессиональный охотник, все для серого хищника могло сложиться иначе. Но думаю, и там бы он решил ситуацию максимально правильно, чтобы спасти свою жизнь, ведь ему еще надо было сохранить его молодое потомство, следуя великому инстинкту выживания вида.